

Время, 1862. №11.

**ЛЕРМОНТОВЪ И ЕГО НАПРАВЛЕНІЕ
КРАЙНІЯ ГРАНИ РАЗВИТІЯ
ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ВЗГЛЯДА**
статья вторая

IV

**ЗАКОННЫЯ СТОРОНЫ
РОМАНТИЗМА**

Поэтъ скорбей и страданій того поколѣнія, которое поэтически-буйствовало и вмѣстѣ стеноло съ Полежаевымъ, которое думало застыть въ гордости отчаянія съ Лермонтовымъ и между тѣмъ дошло только до поворотной грани къ комизму въ лицѣ его Печорина, поэтъ отпѣлъ ему грустную и искреннюю панихиду въ своемъ посланіи къ «Друзьямъ»:

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ
упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,

И съ жизнью рано мы въ борьбу
вступили
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили...
Но мы вокругъ не встрѣтили участя
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи и желты.
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли. И что же?
Упрекъ ли сердцу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ? Смиренье въ душу
вложимъ
И въ ней затворимся - безъ жолчи, если
можемъ!..

Сопоставьте съ этой дышащей искренностью панихидою лермонтовскую «думу», и вы поразитесь очевидною разницей результатовъ, добытыхъ, очевидно страданіями, тѣмъ и другимъ поэтомъ. Разумѣется о сопоставленіи по отношенію къ формѣ, тутъ не можетъ быть

и рѣчи: свистящій какъ бичъ и стальной стихъ Лермонтова, энергическая сжатость его формъ, выпуклость его поэтической манеры, нейдутъ въ паралель съ небрежною формою поэта «моноголовъ», но дѣло не въ сравненіи ихъ талантовъ... Поэтъ «монологовъ» самъ лучше другихъ сознавалъ силу и могучесть Лермонтова; самъ онъ говорилъ о немъ разъ:

Нѣтъ!.. есть поэтъ
Хоть онъ и офицеръ армейскій...

Сила въ томъ, что въ лермонтовской «думѣ», столь безпощадной въ отношеніи къ тому поколѣнію, которое бичуя воспѣвалъ онъ въ ней, въ поколѣніи, которое приравнялъ онъ къ «плоду до времени созрѣлому», которое пройдетъ

Не бросивши вѣкамъ ни мысли
плодовитой,
Ни геніемъ зачатого плода;

въ этихъ «дубовыхъ листахъ»,
«оторвавшихся отъ вѣтки родимой», въ
поколѣніи, котораго прахъ

Со строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ
стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ...

Сила въ томъ, говорю я, что въ этой
безпощадной, мрачно-иронической «думѣ»
гораздо больше гордости и самообольщенія,
чѣмъ въ панихидѣ поэта «монологовъ» по
безплодной борьбѣ и погибшимъ надеждамъ
своего поколѣнія... Ну чтожъ?.. какъ будто
говорить Лермонтовъ: да! мы таковы, да! въ
насъ

И радость и горе и все такъ ничтожно...

да! мы сознали мелочность и
ничтожность нашей радости и горя... но въ
этомъ сознаніи - наша сила, и мы гордимся
этою силою. Пусть грядущее наше и «пусто

и темно», пускай безвременно состарились мы «подъ бременемъ страданья и сомнѣнья», нужды нѣтъ! Мы купили опытомъ жизни холодъ самообладанія.

И вотъ, вслѣдствіе такого нравственнаго процесса, является у поэта образъ Печорина, котораго комическія стороны едва ли и самому ему были ясны, и который долго дѣйствовалъ обаятельно на другихъ.

Какъ задатки комическаго въ образѣ Печорина, задатки обозначавшіеся рѣзко какъ только этотъ образъ наивно повторился въ Тамаринѣ, такъ и обаятельныя, могущественно дѣйствовавшія на его воображеніе черты его - несомнѣнны. Разсмотрѣть тѣ и другія, дѣло далеко не бесполезное, даже и въ настоящую минуту...

Но обаятельныя стороны печоринскаго образа, какъ типа человѣка хищнаго, въ противоположность человѣку смирному, представителя тревожныхъ началъ «необъятныхъ силъ» по его собственному выраженію - въ связи съ тѣмъ же самымъ русскимъ романтизмомъ, о которомъ уже

говорилъ я. Вѣдь когда обаятеленъ Печоринъ?.. Неужели тогда, когда онъ боится обнять Максима Максимыча и вообще фарсить великосвѣтскостью... Иначе будетъ обаятеленъ и Тамаринъ, когда онъ фарсить передъ степными помѣщиками тѣмъ, что завтракаетъ по утрамъ вмѣсто того, чтобы чай пить. Печоринъ влекъ насъ всѣхъ неотразимо и до сихъ поръ еще можетъ увлекать, и вѣроятно всегда будетъ увлекать тѣмъ что въ немъ есть физиологически нашего, а именно - броженіемъ необъятныхъ силъ съ одной стороны и соединеніемъ съ этимъ вмѣстѣ сѣверной сдержанности черезъ присутствіе въ себѣ почти демонскаго холода самообладанія. Вѣдь можетъ-быть, этотъ какъ женщина нервный господинъ способенъ былъ бы умирать съ холоднымъ спокойствіемъ Стеньки Разина въ ужаснѣйшихъ мукахъ. Отвратительныя и смѣшныя стороны Печорина, въ немъ нѣчто напускное, нѣчто миражное, какъ вообще вся наша великосвѣтскость... основы же его характера трагичны, пожалуй страшны,

но никакъ уже не смѣшны... Какъ онъ ни изъѣденъ анализомъ и какъ ни безпощаденъ онъ въ своемъ критическомъ отрицаніи, звѣрство Мцыри прорывается въ рыданія по уѣхавшей Вѣрѣ; чуются люди иной титанической эпохи, готовые играть жизнь при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, затѣмъ ли, чтобы оставить по себѣ страничку въ исторіи, или просто такъ, изъ удали, въ его похожденіяхъ съ контрабандисткой и въ его фаталистической игрѣ, которою кончается романъ... Вотъ этими-то своими сторонами Печоринъ не только былъ героемъ своего времени, но едва ли не одинъ изъ нашихъ органическихъ типовъ героическаго.

О законности этого типа въ нашей литературѣ, о законности столь же несомнѣнной, какъ и законность другого нашего типа, типа смирнаго человѣка, я поднимаю вопросъ довольно часто, но, съ опасностью наскучить читателямъ, долженъ поднять его еще неразъ: въ отношеніи же къ Лермонтову и къ его представленію о героическомъ онъ неизбѣженъ.

Около десяти лѣтъ, литература наша ведетъ и глухую и открытую, и болѣзненную и здоровую борьбу съ этимъ хищнымъ типомъ, съ легкой руки Ивана Петровича Бѣлкина.

Но Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ былъ человѣкъ себѣ на умѣ, несмотря на свою кажущуюся простоту; онъ отшатнулся отъ мрачнаго и сосредоточеннаго Сильвіо, засвидѣтельствовавъ только, что вотъ дескать какой странный человѣкъ мнѣ встрѣтился. Мы пошли дальше. Мы заподозрили въ самихъ себѣ и стало-быть въ нашихъ герояхъ начала тревоги и страстности, мы начали обвинять ихъ въ неискренности, въ «приподнятости» и «подогрѣтости» чувствъ, не подозрѣвая того, что сами готовы впасть въ другого рода неискренность, въ нѣкоторую мономанію искренности.

Быть искреннымъ! Да! Искренность дѣйствительно слово огромной важности, но подвергая критикѣ все, должно и самое это слово, т. е. понятіе, замыкающееся въ словѣ, подвергнуть критикѣ.

Есть люди, которые весьма искренно не понимают Шекспира и весьма искренно въ этомъ сознаются; знаваль я даже такихъ, которые веьма искренно ругали Шекспира и ругали тѣхъ, которые по ихъ мнѣнію неискренно восторгались Шекспиромъ. Знаваль я также одну барыню, изъ очень эмансипированныхъ, которая помѣшалась на искренности и все сердилась на людей, что они ее преслѣдуютъ за искренность. Дѣлая величайшія несообразности и даже мерзости, эта барыня надоѣдала всѣмъ до смерти повторяемымъ ею на каждомъ шагу восклицаніемъ Марьи Андреевны Островскаго: «зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды?» Чтожъ, вѣдь она въ самомъ дѣлѣ была очень искренна! Она очень искренно, несмотря на свою эмансипацію, бранилась съ своими горничными, искренно метала икру, т. е. выбрасывала передъ другими весь душевный соръ, какой наносило ей вѣтромъ въ голову или сердце, если сердце у нея было, - именно вѣтромъ, потомучто своихъ собственныхъ мысли или чувства у нея никогда не зарождалось; - но при всей

этой искренности внѣшнихъ отправленій, она была въ высшей степени фальшива, чуть ли не фальшивѣе другой барыни, которой огоньки фонариковъ, озарявшихъ мизерныя алейки сада лѣтнихъ маскарадовъ, представлялись мерцающими звѣздочками, которая закатывала глаза подъ лобъ, и несмотря на глубочайшее невѣжество, говорила въ тонѣ героинь Марлинскаго.

Впрочемъ обѣ барыни были одинаково постыдно невѣжественны, равно какъ и тѣ господа, отъ которыхъ мнѣ часто случалось слышать искреннюю хулу на Шекспира.

Виновать, - Впрочемъ въ господахъ можно было различить нѣсколько степеней невѣжества: 1) невѣжество «заматорѣвшее во днѣхъ», невѣжество русскаго помѣщика, 2) невѣжество молодое, невѣжество, примѣрно, бойкаго свѣтскаго юноши; 3) дубовое и дерзкое невѣжество школьника, всегда готоваго утвердительно или отрицательно эрготировать о вопросѣ: *An non spiritus exustunt*, школьника воспитавшагося въ бесплодной

діалектической словобитнѣ и нестряхнувшего съ себя чувства злобы, развиваемаго тяжолымъ гнетомъ бурсы; 4) окаменѣлое, опрагматизованное до поклоненія себѣ, ученое невѣжество спеціалиста, который искренно считаетъ все вздоромъ, кромѣ предмета, который онъ удостоилъ избрать, и 5) невѣжество умное, но лѣнивое, рѣшившееся на всю жизнь остаться невѣжествомъ и знающее къ несчастію, что оно умно.

Все это, говорю я вамъ, очень искренно, будетъ не понимать многого и очень искренно заподозрить въ другихъ сочувствіе ко многому.

Должно еще сказать, что во многихъ подозрѣніяхъ своихъ оно окажется совершенно право. Вѣдь нѣтъ ничего хуже фальшивой впечатлительности, и нѣтъ ничего вреднѣе, ибо ничто неспособно такъ поддержать застоя понятій, какъ фальшивая впечатлительность. Разбирая душевный хламъ свой, каждый изъ насъ можетъ убѣдиться, что множество дурныхъ и постыдныхъ, т. е. ложныхъ душевныхъ

движеній, держится въ насъ за извѣстные типы, къ которымъ мы приковались за извѣстныя наносныя, а не родившіяся въ насъ впечатлѣнія, на которыя мы приучили сперва нѣсколько насильственно, а потомъ уже очень легко и свободно отзываться струны этого диковиннаго, безконечно сложнаго и вмѣстѣ цѣльнаго инструмента, называемаго душою человѣческою.

Когда-то покойный К. С. Аксаковъ, анализируя характеръ Ивана Грознаго, высказалъ въ этомъ анализѣ затаенную вражду свою и цѣлаго направленія, къ которому принадлежалъ онъ, вражду къ художеству, художественной способности, красотѣ. Онъ отнесъ грознаго вѣнценосца къ числу художественныхъ натуръ, которыми правда жизни уразумѣвается только черезъ образъ, въ который она облекается и только по степени того, прекрасенъ ли и эффектенъ ли образъ или нѣтъ. Признаюсь вамъ откровенно, что эта мысль, высказанная притомъ съ замѣчательною ясностью и съ кажущеюся глубиною, еще и прежде меня долго

мучила, но болѣе или менѣе превращалась всегда въ одинъ и тотъ же результатъ, т. е. въ то, что всѣмъ, а не одной категоріи людей правда дается красотой, образомъ, что разумѣніе истины обусловлено художественною способностью, въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе существующею. Бываетъ только красота истинная и красота фальшивая, но отзывъ на правду пробуждается въ нашей душѣ непременно красотой. Красота одна можетъ воплотить правду и такое воплощеніе сообщаетъ намъ живую увѣренность «въ бытіи, свойствахъ и дѣйствіяхъ» правды. Голая мысль, добытая однимъ мозговымъ процесомъ, однимъ логическимъ путемъ, т. е. выведенная изъ однихъ только отрицаній, остается для насъ всегда чѣмъ-то чуждымъ.

Истинная истина намъ не доказывается, а проповѣдуется, что тѣмъ разумѣется, которые «могутъ пріяти», истина бываетъ очевидна съ перваго же раза и дается не по частно, а всецѣло, какъ вообще все, что ни дается душѣ человѣческой, дается не по частно, а всецѣло, или вовсе не дается.

Почастно и путемъ доказательствъ могутъ входить въ меня только математическія истины, отъ которыхъ мнѣ ни тепло ни холодно. За логическій выводъ мы не жертвуемъ жизнью, ни даже благосостояніемъ, а если и жертвуемъ, то жертвуемъ не собственно за него, а за подкладку живыхъ душевныхъ образованій, съ которыми онъ связанъ, за правду собственной природы или за смутное предчувствіе живого будущаго образа, которому логическій выводъ отворяетъ почтительно двери.

Впечатлѣнія и созерцанія наши держатся за типы, сложившіеся въ нашемъ душевномъ мірѣ, и все дѣло въ томъ, какъ сложились эти типы, когда, изъ чего, и наконецъ точно ли они сложились и образовали живые органическіе образы или засорили душу, какъ наносные пласты?.. Однимъ словомъ, дѣло въ томъ: 1) вѣримъ ли мы въ эти типы или готовыя данныя души, или 2) не вѣримъ, но, восхищаясь ими (сознательно или безсознательно - это тоже очень важно) хотимъ въ нихъ вѣрить,

или 3) не вѣря въ нихъ и даже не чувствуя никакого особаго къ нимъ влеченія, укореняемъ ихъ въ душѣ по причинамъ совершенно внѣшнимъ и уже не естественно, искусственно, а напротивъ насильственно заставляемъ себя на нихъ отзываться.

Крѣпость простого, неразложоннаго типа, и здоровая красота его, въ особенности когда мы возьмемъ его въ противоположеніи съ тою безцвѣтностью, какую представляютъ типы вторичныхъ и третичныхъ, но во всякомъ случаѣ искусственныхъ образованій, населяющихъ голову многихъ, весьма впрочемъ образованныхъ господъ, - эти-то прекрасныя качества типа цѣльнаго, выигрывающія въ особенности отъ противоположенія, и могутъ вовлечь въ наше время въ искушеніе всякую живую натуру. Живая натура познается потому, какъ она воспринимаетъ правду: черезъ посредство логическихъ выводовъ или черезъ посредство типовъ. Любовь къ типамъ и стремленіе къ нимъ, есть

стремленіе къ жизни и къ живучему и отвращеніе отъ мертвечины, гнили и застоя, жизненныхъ или логическихъ. Гоголь приходилъ въ глубокое отчаяніе отъ того, что нигдѣ не видалъ прекраснаго, т. е. цѣльнаго человѣка, и погибъ в безплодномъ стремленіи отыскать прекраснаго человѣка. Не зная гдѣ его искать (ибо малороссъ Гоголь не зналъ великой Россіи, пора уже это сказать прямо), онъ сталъ по частямъ собирать прекраснаго человѣка изъ осколковъ тѣхъ же кумировъ формализма, которые разбилъ онъ громами своего негодующаго смѣха. Вышли образы безличные, сухіе, непривлекательные, почти что служащіе оправданіемъ великорусскому мошенничеству Ерша Ершовича или друга нашего Павла Иваныча Чичикова.

Дѣло въ томъ, что процессъ исканія въ себѣ и въ жизни простого и непосредственнаго завелъ насъ на первый разъ въ неминуемую односторонность. За простое и непосредственное, за чисто-типовое, мы на первый разъ приняли тѣ

свойства души, которыя сами по себѣ суть отрицательныя а не положительныя.

Первый пріемъ нашей эпохи въ этомъ дѣлѣ былъ пріемъ чисто-механическій.

Въ литературахъ западныхъ, вслѣдствіе работы анализа надъ утонченными и искусственными феноменами въ организаціи человѣческой души, вслѣдствіе необходимаго затѣмъ пресыщенія всѣмъ искусственнымъ и даже всѣмъ цивилизованнымъ, явилось стремленіе къ непосредственному, непочатому, свѣжему и органически-цѣльному. Существенное въ таковыхъ стремленіяхъ одного изъ великихъ поэтовъ нашей эпохи, Занда, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ писателей, (а въ числѣ ихъ есть люди столь замѣчательные, какъ авторъ «Деревенскихъ рассказовъ» Ауэрбахъ) - было именно это стремленіе, порожденное анализомъ съ одной стороны и пресыщеніемъ съ другой.

Тоже самое стремленіе, по закону отраженія, которому мы подверглись съ петровской реформы, вдвинувшей насъ хотъ

и напряжно, но естественно въ кругъ общечеловѣческой жизни, явилось и въ нашей литературѣ. Покрайней-мѣрѣ несомнѣнно таково происхожденіе той школы описателей простого, непосредственнаго быта, которой замѣчательнѣйшимъ представителемъ былъ Григоровичъ. Не внутреннимъ, но внѣшнимъ, чисто-рефлексивнымъ процессомъ порождены даже самыя даровитыя произведенія этой школы «Деревня», «Антонъ Горемыка». Всѣ они не болѣе какъ мозаика, составная работа. Какъ-будто даровитый, но заѣзжій изъ чужихъ краевъ путешественникъ подмѣчаетъ въ нихъ особенныя черты любопытнаго ему быта, записываетъ въ памятную книжку странныя для него слова и оригинальныя обороты рѣчи, и складываетъ потомъ съ большимъ тщаніемъ и вкусомъ свою мозаическую, миниатюрную картинку. Картинка эта принимаетъ необходимо идиллическій характеръ...

Но кромѣ этого чисто-механическаго процесса, въ насъ совершался еще процессъ

органическій, процессъ, который очеркомъ обозначилъ свои грани - въ нашемъ величайшемъ, единственно полномъ представителѣ художественномъ, Пушкинѣ; процессъ борьбы скудной, еще не воздѣланной почвы съ громадными и воспріимчивыми силами.

Исходною точкою этого процесса была наша критическая, анализирующая и повѣряющая жизнь способность.

Эту способность мы довели однако до крайности.

Всѣ люди, сколько-нибудь мыслящіе, знаютъ вѣроятно по личнымъ опытамъ, что первый врагъ нашъ въ дѣлѣ воспріятія впечатлѣній, это мы сами, это - наше я. Оно становится между нами и великимъ смысломъ жизни, не даетъ намъ ни удержать, ни даже уловить его, набрасывая на все внѣшнее колоритъ различныхъ душевныхъ нашихъ состояній, или, что еще хуже того и что часто бывало вѣроятно съ каждымъ изъ насъ, не даетъ ни о чемъ думать, кромѣ самого себя, примѣшивая ко всему новому ржавчину, часто ядовитую,

старого и прожитаго. Или наконецъ, что тоже нерѣдко бывало вѣроятно со многими, кто только добросовѣстно въ самомъ себѣ рылся и добросовѣстно готовъ обнаружить результаты этой работы, это я заставляетъ при воспринятіи впечатлѣнія болѣе думать о значеніи воспринимающаго, чѣмъ о значеніи воспринимаемаго. Другими, болѣе нецеремонными словами говоря, часто мы ловили и ловимъ самихъ себя при извѣстныхъ впечатлѣніяхъ, на дѣлѣ такъ-сказать совершенно актерскомъ: всегда какъ-то позируешь, если не передъ мухами какъ зандовскій Орасъ, то передъ самимъ собою, т. е. передъ тѣмъ я, которое судить другого себя, т. е. позирующаго, любитъ красотою его позъ и сравниваетъ съ позировкою другихъ индивидуумовъ. Вотъ тутъ-то, вслѣдствіе такого сличенія и зарождаются различныя отношенія къ собственной позировкѣ. Если поза, принятая мною, позирующимъ, по сличеніи представится мнѣ, судящему, не мнѣ принадлежащею, а заимствованною или даже (что надобно отличать) во мнѣ

самомъ созданною искусственно, вытасценною изъ стараго запаса и насильственно повторенною, тогда образуется къ этой позѣ отрицательное и просто даже насмѣшливое отношеніе. Критическимъ назвать это отношеніе еще нельзя - ибо оно не свободное, а родилось изъ чувства самосохраненія (сохраненія собственной личности) стало-быть по необходимости есть состояніе необходимой обороны противъ упрека въ заимствованіи или въ повтореніи. Оборонительное положеніе берется даже часто въ прокъ, въ запасъ на будущее время: ампутація, нѣсколько конечно болезненная, вытерпливается героически - и избѣгая всѣми мѣрами обличеній въ подражаніи, мы готовы довести себя до состоянія нуля, чистой *tabula rasa*, стушеваться, говоря словомъ сентиментальнаго натурализма. Въ сущности же, это есть нечто иное какъ оборонительное положеніе, т. е. новая, если не красивая, то по крайней-мѣрѣ прочная поза, принятая въ конечное обезпеченіе своей личности. Этотъ процессъ столь

обыкновененъ, что совершается даже и во внутреннемъ мірѣ лицъ, которыя вовсе незанимаются душевнымъ рудокопствомъ. Какое бываетъ напимѣрь первое отношеніе благоразумнаго большинства людей или собственно того, что можетъ быть названо умственно-нравственнымъ мѣщанствомъ, ко всему новому или ко всему вообще неежедневному, необычному во внѣшней или внутренней жизни? (я неговорю о толпѣ или о верхахъ, но о моральномъ и общественномъ мѣщанствѣ). Непремѣнно недовѣрчивость, т. е. желаніе видѣть единственно невыгодныя стороны всего новаго. А почему? потому-что мѣщанство боится всего болѣе подвергнуть свое *statu quo* опасности разрушенія или опасности, для многихъ еще большей - осмѣянія. Первый пріемъ всего новаго всегда таковъ и вездѣ таковъ: это есть страхъ за личность и за все, что съ личностью тѣсно связано, общее свойство человѣческой натуры, вслѣдствіе котораго преслѣдовали галилеевъ и смѣялись надъ колумбами и вслѣдствіе котораго точно также все, мало-

мальски галилеевское или колумбовское, въ нашей душѣ возникающее, принимается мѣщанскою стороною души съ недовѣрчивостью и подозрительностью. Такъ какъ, въ большей части случаевъ, мѣщанство (общественное или наше внутреннее) оказывается въ подозрительности своей правѣ дикаго энтузіазма, который именно только въ одно новое и небывалое вѣрить, одному новому и небывалому служить; такъ какъ большая часть галилеевскаго и колумбовскаго, возникающаго въ нашей душѣ, оказывается воздушными замками морганы, то оправданное недовѣріе становится для человѣка неглупаго просто догматомъ, точкою отправленія. Бѣда только въ томъ, что точку отправленія многіе въ наше время такъ-сказать останавливаютъ, считаютъ за конечную цѣль и это называютъ критическимъ отношеніемъ, когда съ нея, какъ съ исходной точки только-что начинается настоящее, совершенно свободное критическое отношеніе нашего я къ самому себѣ.

Я посмѣялся, положимъ, надъ извѣстнаго рода впечатлѣніемъ, ибо увидалъ, что оно мною или занято безъ отдачи у другихъ, его переживавшихъ, или подогрѣто изъ стараго моего душевнаго запаса. Посмѣялся, значить отрѣшился отъ него. Хорошо! Какое же отношеніе къ извѣстному внѣшнему или внутреннему явленію поставилъ я въ душѣ на мѣсто того, которое отсѣчено анатомическимъ инструментомъ? Пустого пространства быть между душой и жизнью не можетъ, - деревяшка возможна въ моральномъ мірѣ еще менѣе. Что-нибудь да я поставилъ. Чтоже именно?..

Возьмемъ какой-нибудь фактъ внутренней жизни, - оно будетъ виднѣе.

Положимъ, я заподозрилъ в себѣ и заподозрилъ совершенно основательно романтическое чувство любви или лучше сказать чувство любви въ его романтическихъ формахъ, съ романтическими движеніями. Беру поле всѣмъ доступное «идѣже нѣсть ни мужескъ поль, ни женскій, ни іудей, ни еллинъ.»

Найдется ли кто, на кого бы именно то чтъ называется романтическимъ въ этомъ чувствѣ, не дѣйствовало когда-нибудь; скажу болѣе, на кого бы оно совершенно утратило свои дѣйствія.

Всякій чувствующій челоѡкъ нашей эпохи понималъ же хотя разъ, какъ напрімѣръ сладко - больно тревожить себя цѣлый день обаяніемъ страстной и манящей женской рѣчи, слышанной наканунѣ, какъ отрадно быть больнымъ нравственной лихорадкой, какъ хорошо, мучительно-хорошо

Шептать и повѣрять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ
смущенья,

Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты.

Какъ можно доходить до того, чтобы

...въ опьяненіи, наперекоръ уму
Завѣтнымъ именемъ будить ночную
тьму...

что такое однимъ словомъ

**Блаженство ночь не спать и днемъ
бродить во снѣ...**

и тому подобныя душевныя настройства.

**Романтическое впечатлѣніе заподозрѣно.
Прекрасно! Романтическое чувство
признано зашедшимъ откуда-то, или
блюдомъ изъ подогрѣтыхъ отсадковъ. Еще
лучше! Значить, названіе впечатлѣнія
признано на правдивомъ судѣ незаконнымъ.
А что-то вѣдь было однако?
Недобросовѣстно же сказать, что ничего не
было! А какъ только мы назвали это
странное что-то какимъ-нибудь именемъ,
такъ и отнесли къ извѣстному роду и
приковали къ извѣстному типу.**

**Назовемъ ли мы впечатлѣніе просто
кипѣніемъ крови, т. е. одну физическую
сторону впечатлѣнія признаемъ имѣющею
права на имя, а всю романтическую его
оболочку - незаконною, фальшивою, или
назовемъ это именемъ моральной симпатіи,**

или именованъ сентиментальнаго баловства: въ томъ, и другомъ, и третьемъ случаѣ мы стараемся дать настоящее имя впечатлѣнію или чувству, вмѣсто того, которое мы нашли фальшивымъ.

Такъ у Писемскаго въ «Бракъ по страсти», чувство Мари Ступицыной къ Хазарову (не Хазарова къ ней, ибо тутъ ни на какое чувство и не посягалось) изъ романтическаго разжаловано въ чувственность на половину, въ баловство на другую, - равно какъ романтическимъ чувствованіямъ m-me Мамиловой дано ихъ настоящее имя, имя баловства, нравственнаго сладострастія, которому только робость и нѣкоторая вялость природы мѣшаютъ перейти въ сладострастіе настоящее.

Такъ съ большою злостью и злостью честною, если не съ искусствомъ, въ повѣсти Крестовскаго «Фразы», сведена съ романтическихъ ходуль, объяснена, растолкована, обличена въ ея эффектныхъ позахъ и ея эффектныхъ чувствахъ женская натура, представляющая собою крайнюю

степень типа, къ которому принадлежит m-me Маилова. Но тутъ же мы и попадаемъ на различіе разоблаченія. Кто скажетъ, чтобы анализъ Писемскаго былъ несправедливъ? Я покрайней-мѣрѣ не скажу этого въ отношеніи къ m-me Маиловой, хоть многіе и сердились, даже печатно, за это лицо на автора «Брака по страсти».

Странно между тѣмъ, что никто не сердился на автора повѣсти «Фразы». Я же лично разсердился, конечно не на разоблаченіе лица эмансипированной барыни, а за недостатокъ глубины и за грубую рѣзкость разоблаченія. Стоитъ только сличить два этихъ образа: «m-me Маилкову» и героиню повѣсти «Фразы», чтобы понять - какое неизмѣримое различіе лежитъ между свободнымъ художествомъ, которое на все имѣетъ право, и между произведеніями, къ которымъ относится извѣстный эпиграфъ *indignatio fecit versum*, которыя будучи порожденіемъ однихъ только

**«Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ,»**

имеютъ странное свойство сердить за то, на что они нападаютъ совершенно законно. Замѣтите между прочимъ, что г. Крестовскій знаетъ свѣтъ и свѣтскихъ женщинъ, умѣетъ говорить ихъ языкомъ, описывать ихъ обстановку, а Писемскій вовсе въ этомъ несиленъ, но что до этого за дѣло? Психологическая правда и сила художественной концепціи, соединенныя съ глубиною взгляда на человѣческую натуру вообще, даютъ художнику право на смѣлые очерки безъ красокъ, и съ другой стороны извиняютъ даже малевку того, что въ создаваемыхъ имъ образахъ есть слишкомъ частное, если эти образы не частными своими сторонами входятъ въ созданіе.

Но на что имѣетъ право художество, т. е. воплощеніе мысли, на то не все имѣетъ право. Голый анализъ еще не господинъ, а такой же рабъ, какъ безразличный синтезъ. Анализъ только разбиваетъ ложь, только

лишаетъ моральное явленіе незаконно принадлежащаго ему имени.

Анализъ сирдить, и сердить справедливо, когда явленію разоблаченному имъ, т. е. лишонному незаконнаго имени, придаетъ первое попавшееся, ибо тогда онъ становится неправъ въ свою очередь. Лучше сказать, голый анализъ сьрдить потому, что самъ сердится, ибо сердятся на явленіе до тѣхъ поръ только, пока не опредѣлятъ ему въ душѣ мѣста и не назовутъ его по имени. За симъ его казнятъ, оправдываютъ или оставляютъ въ сторонѣ, смотря по тому, какое его имя: старая ли ложь, и притомъ злая ли ложь, или глупая и пустая ложь, или новая правда.

Повѣсть «Фразы» разсердила лично меня когда-то, именно тѣмъ, что она сама сердится и бьетъ сплеча во что нипопало.

Авторъ казнить афектацію чувства, безнравственность ощущеній, называющихъ себя тонкими и особенными, и чтоже противопоставляетъ этому? Деревяную ограниченность чувства, мѣщанскую

добродѣтель, узенькія понятїица губернскаго или вообще условнаго курятника. Такимъ образомъ онъ рубить сплеча нетолько мишурную одежду, т. е. фразы, но и живое тѣло, т. е. тревожное, страстное начало жизни, безъ котораго жизнь обратилась бы въ губернской муравейникъ.

Не таково истинное художество. Своимъ правдивымъ отношеніемъ къ фальши жизни, оно не сирдитъ, а «обращаетъ его внутрь души», выражаясь словами Гамлета.

Скажу еще болѣе. Истинное художество даже не дѣйствуетъ прямо на то, что повидимому казнить. Въ этомъ заключается его высокая бесполезность. Однимъ очень умнымъ человѣкомъ, по поводу «Доходнаго мѣста», Островскаго, высказано было, что Кукушкины, Юсовы и Бѣлогубовы, которые будутъ сидѣть въ театрѣ въ представленіе пьесы (а представленія-то между-прочимъ по неизвѣстнымъ причинамъ до сихъ поръ еще не воспослѣдовало), вынесутъ изъ представленія правила для жизни, т. е. они

взглядъ на жизнь Юсова и заботы Кукушкиной о воспитаніи дочерей и о домашнемъ порядкѣ примуть вовсе не съ комической стороны, а за настоящее дѣло. Замѣчаніе въ высочайшей степени вѣрное, въ отношеніи ко всякому произведенію, имѣющему плоть и кровь. Сколько настоящихъ Кукушкиныхъ весьма наивно не узнали себя въ лицѣ комедіи, и сколько настоящихъ Юсовыхъ сочувствовали глубинѣ юсовскаго міросозерцанія насчетъ колеса фортуны.

Оскорбляются за разоблаченіе «всякой неправды» не тѣ, въ комъ неправда «весьма застарѣла», по выраженію старика-Посошкова. Наши подъячіе (я еще это помню), сами подъ гитару пѣвали остроумные и злые куплеты бывалаго времени насчетъ взяточничества, тотчасъ же вслѣдъ за романсомъ «Подъ вечеръ осенью ненастной» и подмигивали даже такъ плутовски, что радовались какъ-будто этому остроумію въ полномъ убѣжденіи, что дескать, «толкуй себѣ, толкуй, а ужъ это изпоконъ-вѣка заведено: не нами

началось, не нами и кончится.» Это отношеніе обличаемыхъ къ обличенію, съ нѣскольکو аристофановскою свободою приѣма, выразилъ Островскій въ первоначальномъ заключеніи своей первой комедіи, въ обращеніи Лазаря Елизарыча къ публикѣ. Эту же черту Крыловъ обозначилъ въ своемъ мѣткомъ стихѣ:

А Васька слушаетъ, да ѣсть...

Только совѣтъ, который даетъ онъ повару, полезенъ для повара, но неотучить Ваську отъ лакомага куска, равно какъ и то, что Гоголь называетъ «страхомъ идущаго вдали закона», весьма мало измѣнить нравственную сущность Антона Антоновича Сквозника-Дмухановскаго... ибо все это есть только голое отрицаніе извѣстнаго нравственнаго факта, только снятіе съ него фальшиваго имени безъ заклеяменія его именемъ настоящимъ, такимъ именемъ, подъ которымъ бы онъ въ душѣ получилъ опредѣленное мѣсто въ числѣ фактовъ, или совершенно

незаконныхъ, по душевному, внутреннему, а не внѣшнему, только извнѣ пришедшему убѣжденію, или законныхъ въ основахъ, но не законныхъ въ приложеніяхъ къ даннымъ обстоятельствамъ. Пустого мѣста въ душѣ оставить нельзя. Посадить на него вмѣсто факта пугало - не значить уничтожить фактъ, но заставить его только на время притвориться несуществующимъ. Живой фактъ вытѣсняется изъ души только живымъ же фактомъ, т. е. фактомъ, составляющимъ для души убѣжденіе и сочувствіе.

Обращаясь къ тому за что я стою, и что я называю романтическимъ в мірѣ нашей души, я скажу тоже самое. Литература пустилась отправлять обязанность повара, а впродолженіи его проповѣдей, романтической Васька слушалъ да ѣлъ. Обличители отнимали обглоданный кусокъ, но Васька кралъ другой, можетъ быть по той простой причинѣ, что Васька ѣсть хотѣлъ, а пищу ему не давали, т. е. что силы чувствовали себя «необъятными». Кто говоритъ, что котъ Васька - котъ

нравственный и хорошо дѣлалъ, что краль; кто говорить, что Печоринъ, «чувствуя въ себѣ силы необъятныя, занимался спеціально «высасываньемъ аромата свѣжей, благоухающей души», что Арбенинъ сдѣлался картежникомъ потому только, что

Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился,

что Веретъевъ тургеневскаго «Затишья» съ его даровитостью пьянствовалъ, шатался и безобразничалъ, что Хорьковъ запилъ навѣкъ, а Тюфякъ умеръ отъ запоя; кто говорить, что они правы? - но не на нихъ же однихъ взложить всю вину безумной растраты силъ даромъ, растраты на мелочи или даже на зло... Изъ всѣхъ этихъ романтиковъ, такъ или иначе себя сгубившихъ, такъ или иначе попавшихъ въ бездны - одинъ только Любимъ Торцовъ, несмотря на безумную трату данныхъ ему силъ, не сдѣлался котомъ-Васькой; для него одного, «воровство», т. е. вообще нарушеніе порядка природнаго и

общественнаго, не стало чѣмъ-то нормальнымъ, чѣмъ стало оно и для Арбенина и для Печорина, и для Владиміра Дубровскаго, и поэтому-то онъ въ своемъ родѣ совершенно правъ, говоря: «Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ всѣхъ... Всѣ другіе - общественные отщепенцы, которые отъ совершенно законныхъ точекъ отправленія, отъ исканія простора своей силѣ пошли въ беззаконіе или въ ложь. Трагическое въ нихъ конечно принадлежитъ не имъ, а тѣмъ силамъ, которыя они въ себѣ носятъ и безумно тратятъ, или нелѣпо извращаютъ, но во всякомъ случаѣ, оно есть истинно-трагическое. Едвали даже не приходится сознаться, что всѣ «необъятныя» силы нашего духа покамѣсть выражались въ типѣ, одно изъ самыхъ яркихъ отраженій котораго выражаетъ собою лермонтовскій Печоринъ.

Вглядитесь во всѣ выраженія этого типа, отъ образовъ созданныхъ Пушкинымъ до гениальныхъ начинаній Лермонтова, до лицъ постоянно мучившихъ и едвали еще переставшихъ мучить Тургенева, отъ

гордой, вольнолюбивой, и вмѣстѣ «какъ птичка, беззаботной», и вмѣстѣ восточно-эгоистической и ревнивой природы Алеко, до того демонски-унылаго и зловѣщаго блеска, которымъ окружилъ Тургеневъ фигуру своего Василья Лучинова; взгляните въ этотъ же типъ, захваченный художниками въ болѣе простыхъ, общественныхъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ Островскимъ - Любимъ Торцовъ и Петръ Ильичъ, или Писемскимъ его «Тюфякъ», вы убѣдитесь, что въ этотъ типъ вошли наши лучшіе соки, наши положительныя качества, наши высшія стихіи, и въ артистически-тонкую, мирскую жажду наслажденія пушкинскаго Жуана, и въ критическую послѣдовательность печоринскаго цинизма, и въ холодное, сѣверное самообладаніе при бѣшенной южной страстности Василья Лучинова, и въ «прожиганіе жизни» Веретьева, и въ загуль Любима Торцова. Только стихіи эти находятся въ состояніи необузданномъ. Ихъ «турманомъ кружить», говоря языкомъ драмъ Островскаго, и происходитъ это отъ того,

что, какъ замѣчаетъ Бородинъ, «основательности нѣтъ...» къ жизни, т. е. въ жизни у нихъ не было и нѣтъ, почти всегда по независящимъ отъ нихъ причинамъ, основъ, держась за которыя крѣпко какъ центръ, онѣ сіяли бы какъ наши блестящія типовыя достоинства.

Морально запуганные крайними послѣдствіями логической мысли, ставшей въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, и въ почвѣ ненаходя ей отвѣта, мы впадали и въ уныніе и даже въ глубокое отчаяніе, мы скорбно стонали съ поэтомъ монологовъ:

Отъ старыхъ истинъ я отрекся правды ради,

Для призраковъ давно я заперъ дверь;

Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради

И все, и все изорвано теперь...

и въ сознаніи собственнаго безсилія на борьбу, говорили съ нимъ же, нашимъ искреннѣйшимъ исповѣдникомъ идеализма:

**Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ
смѣяться**

И видѣть вокругъ себя безсиліе людей;

и дѣйствительно или смѣялись надъ собою съ Тургеневымъ судорожнымъ смѣхомъ «Гамлета щигровскаго уѣзда», издѣвались съ нимъ же болѣзненно надъ «Дневникомъ лишняго человѣка...» Но именно Тургеневъ, который хотѣлъ быть искреннимъ въ казни несостоятельной личности передъ судомъ жизни и дѣйствительности, писатель наиболее добросовѣстный изъ всѣхъ осужденныхъ какимъ-то роковымъ проклятіемъ добиваться отъ самихъ себя искренности, разоблачавшій самъ для себя и на глазахъ своихъ читателей и поклонниковъ различные искусственно-сложившіеся идеалы, занимавшіе въ душахъ людей современнаго ему по развитію поколѣнія незаконное мѣсто, - Тургеневъ самъ между тѣмъ борьба, и борьба болѣзненная. Слѣды этой борьбы поэта, беспощадно разоблачавшаго, на примѣръ въ грубыхъ

чертахъ своего «Бреттера», одну сторону Печорина, и во множествѣ другихъ своихъ произведеній иныя фальшивыя стороны обаятельнаго образа, видны на всей его дѣятельности, чѣмъ можетъ быть онъ намъ всѣмъ и дорогъ въ особенности.

Когда утомленный горькимъ и тяжолымъ обличеніемъ несостоятельности личности, Тургеневъ, отдаваясь душою всѣмъ вѣяніямъ, бросился искать успокоенія въ простомъ, органически-типовомъ, непосредственномъ, онъ неожиданно удивилъ въ ту пору всѣхъ идиллическими изображеніями Хоря и Калиныча, но въ тоже самое время, - и это фактъ въ высшей степени знаменательный, - старый обаятельный типъ вновь поднялся у нашего поэта блистательнымъ очеркомъ лица Василья Лучинова, въ повѣсти «Три портрета», къ немалому оскорбленію исключительныхъ поклонниковъ смирнаго типа, сразу же назвавшихъ Василья Лучинова «гнилымъ человѣкомъ.» А что ни говорите о безнравственности Василья Лучинова, но несомнѣнно, что въ этомъ

образъ есть поэзія, есть обаяніе. Эта поэзія, это обаяніе, въ которыхъ не виноваты ни Тургеневъ, ни мы, ему сочувствовавшіе нѣкоторымъ образомъ, это обаяніе даже сильнѣе и значительнѣе обаянія лермонтовскаго Печорина, какъ у самого Лермонтова его недоконченный, но вѣчно мучившій его Арбенинъ или Арбеневъ, поэтичнѣе и обаятельнѣе холоднаго и часто мелочнаго Печорина. Развѣнчать обаятельныя стороны этого типа, столь долго мучившаго Лермонтова и все наше поколѣніе, Тургеневъ пытался нѣсколько разъ и почти всегда, стремясь къ логической послѣдовательности въ мысли, измѣнялъ ей въ создаваемомъ имъ образѣ... То хотѣлъ онъ развѣнчать въ этомъ типѣ сторону безумной страсти или увлеченій и безграничной любви къ жизни, соединенныхъ съ какою-то отважною безпечною и вѣрою въ минуту и создавалъ Веретьева въ «Затишьѣ», придумывая и сочиняя достойное наказаніе его бесплодному существованію - и чтоже? бесплодное существованіе точно являлось

бесплоднымъ, но созданное поэтомъ лицо, въ минуты страстныхъ своихъ увлеченій, увлекало невольно, оставалось обаятельнымъ, не теряло своего поэтического колорита. Безнравственность Василья Лучинова вы, разумеется моральнымъ судомъ, казнили, но то грозное, то страстное до безумія и вмѣстѣ владѣющее собою до рефлексіи, что въ немъ являлось, ни художникъ не развѣнчивалъ, ни вы развѣнчать не могли и внутри вашей души никакъ не могли согласиться съ Аксаковымъ, назвавшимъ Василья Лучинова гнилымъ человѣкомъ. Василій Лучиновъ, пожалуй не только-что гниль, - онъ гнусень, но сила его, эта страстность почти что южная, соединенная съ сѣвернымъ владѣніемъ собою, эта пламенность рефлексіи, или рефлексія пламенности, есть типовая особенность. Типовую же особенность вы не сдвинете въ душѣ вашей съ мѣста, если таковое она въ ней занимаетъ, однимъ логическимъ судомъ надъ нею; докажите что она нетиповая особенность, или лучше сказать докажите,

т. е. покажите, что она не въ такомъ видѣ составляетъ типовую особенность и тогда вы ее уничтожите. До тѣхъ же поръ, вы тщетно будете бороться съ ея обаятельными, т. е. жизненными сторонами. Таковъ законъ вѣчнаго существованія типовъ и въ особенности этого типа. Василью Лучинову Тургенева я придаю особенную важность, потомучто въ этомъ лицѣ старый типъ донъ-Жуана, Ловласа и т. д. принялъ впервые наши русскія, оригинальныя формы, формы нашего русскаго XVIII вѣка.

Но донъ-жуановское или ловласовское начало неисчерпываетъ еще всего содержанія типа, съ которымъ литература вступала въ открытую, добросовѣстную, но наивно-слабую борьбу.

Тургеневъ вздумалъ на глазахъ же читателей помѣряться съ отраженіемъ типа въ образѣ Рудина. Если уже въ беззаботномъ прожигателѣ жизни Веретьевѣ, или въ развратномъ и холодномъ Васильѣ Лучиновѣ есть стороны неотразимо увлекающія, обаятельныя, то

тѣмъ болѣе онѣ должны быть въ «Рудинѣ», человекѣ исполненномъ если не убѣжденій, то всей предрасположенности къ убѣжденіямъ, человекѣ, по даннымъ натуры котораго можно заключить, что жизнь его должна совсѣмъ не тѣмъ кончиться, чѣмъ кончается она въ эпилогѣ повѣсти, хотя эпилогъ и выходитъ апотеозой Рудина. Къ повѣсти «Рудинъ» у меня, каюсь въ этомъ, есть особенная слабость, и именно вотъ за что. Въ ней, въ этой повѣсти, совершается передъ глазами читателей явленіе наивно-искреннее и совершенно особенное. Художникъ, начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ что ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножомъ и наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго сочувствія, снова возводитъ въ апотеозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытался отнестись критически въ рассказѣ. И нельзя даже подумать, чтобы критика была ловкимъ подходомъ къ апотеозѣ: такъ быстро и

прямо совершается передъ глазами читателя поворотъ. Такъ послѣ прочтенія эпилога становится ясно, что все, кромѣ эпилога, до той минуты, когда Рудинъ, стоящій вечеромъ у окна и заключающій свою бесѣду, свою проповѣдь легендою о скандинавскомъ царѣ, напоминаетъ манеры, приемы и цѣлый образъ одного изъ любимѣйшихъ людей нашего поколѣнія, покойнаго Грановскаго, что кромѣ этого, говорю я, все остальное сдѣлано, а не рождено, сдѣлано искусственно, хоть и несовсѣмъ искусно, вымучено изъ души насильственно... Тутъ однимъ словомъ обнаруживается въ отношеніяхъ художника къ создаваемому имъ типу, да вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отношеніяхъ тѣхъ изъ насъ, кто только подобросовѣстнѣе, замѣчательная путаница... Что такое Рудинъ въ повѣсти? фразеръ, - но откуда же у фразера сила, дѣйствующая на глубокую натуру Натальи и на чистую, юношески-благородную натуру Басистова? человекъ слабый и безхарактерный, «куцый» по выраженію Пигасова, - но отчего же Пигасовъ такъ

радъ тому, что разъ подмѣтилъ его куцымъ и отчего Лежневъ, знающій его вдоль и поперегъ боится его вліянія на другихъ? Отчего благородный малый Волинскій такъ «скорбенъ головой» при своемъ благородствѣ и отчего его судьба, по предсказанію положительнаго Лежнева, быть подъ башмакомъ у Натальи? что за несчастіе въ нашей литературѣ добрымъ и благороднымъ малымъ! Или они тѣни, или ихъ бьютъ. Право такъ.

Въ литературѣ у насъ или лучше сказать на сценѣ (ибо это вещь болѣе сценическая, чѣмъ литературная) есть комедія, пользовавшаяся и пользующаяся доселѣ большимъ успѣхомъ. По поводу этой комедіи, послѣ перваго ея представленія мнѣ случилось выдержать долгій и серьезный споръ съ однимъ изъ искреннѣйшихъ моихъ друзей на счетъ въ ней выведеннаго типа. Въ комедіи, авторъ повидимому имѣлъ задачей анализировать и казнить лицо одного изъ отверженниковъ и отщепенцевъ общества, Ферагусовъ и Монриво, поколику Ферагусы и Монриво,

смягченные и разжиженные, являются въ нашей жизни. Несмотря на видимую казнь, всякому чуется въ комедіи скрытое симпатическое или ужь покрайней-мѣрѣ далеко несвободное отношеніе казнящаго къ казнимому. И это, по сознанію самого спорившаго со мной пріятеля, происходило не отъ игры актера, - игра казалась намъ довольно слабою и мы оба хотѣли бы видѣть въ этой роли покойнаго Мочалова и оба были убѣждены, что смѣшной и до дикости странный, какъ свѣтскій человѣкъ, въ первомъ актѣ, онъ былъ бы недостигаемо великъ въ двухъ остальныхъ... Между тѣмъ и въ бѣдномъ изображеніи, которое мы видѣли, была извѣстная поэзія и его окружала извѣстнаго рода ореола.

Въ казнимомъ всякимъ моральнымъ судомъ отщепенцѣ общественномъ были обательныя стороны, способныя прельстить и увлечь: симпатическое или покрайней-мѣрѣ весьма несвободное отношеніе къ нему автора проглядывало и въ явномъ стараніи, съ которымъ выставлялись

блестящія свойства его натуры, и въ подчиненіи его моральной силѣ всего окружающаго и въ томъ, что честный человѣкъ, благородный малый, безуспѣшно съ нимъ борющійся, представленъ какимъ-то идіотомъ и поставленъ хоть и разъ правда, но разъ несмыаемый, разъ неизгладимый, поставленъ нето что въ комическое, въ безвыходно-срамное положеніе и наконецъ въ заключительныхъ словахъ общественнаго отщепенца, словахъ, которыя почти что мирять съ нимъ и въ которыхъ слышится не самоуниженіе, а скорѣе вѣра его въ себя, въ свои обаятельныя стороны.

Пріятель мой возставалъ противъ всѣхъ этихъ предположеній, прибѣгая болѣе къ аргументамъ *ad hominem*, какъ наиболѣе дѣйствительнымъ въ словесномъ спорѣ, т. е. самага меня укоряя какъ всегда въ отсутствіи прочныхъ нравственныхъ убѣжденій. Я же собственно ничего не сдѣлалъ иного, какъ добросовѣстно и смѣло назвалъ по имени то чувство или то

впечатлѣніе, которое какъ онъ, так и я испытывали равно, съ тѣмъ различіемъ, что онъ противъ впечатлѣнія принималъ оборонительное положеніе, а я давалъ впечатлѣнію полную въ себѣ волю.

Пріятеля моего гораздо болѣе убѣдили немногія слова одной прямой, правдивой и вовсе не эманципированной женщины, чѣмъ вся наша длинная бесѣда на зеленомъ диванѣ одного московскаго клуба и я это совершенно понимаю. Что же въ самомъ дѣлѣ, женская-то душа не человѣческая что ли въ дѣлѣ вопросовъ о сочувствіяхъ? Вѣдь только Сабакевичъ, да и то въ юридическомъ казусѣ почелъ нужнымъ замѣнить имя: «Елисавета Воробей», именемъ «Елисаветъ Воробей», чтобы придать существу, носящему это имя, ревижскій характеръ, - но вѣдь область моральныхъ сочувствій не область юридическихъ вопросовъ.

На сколько мое отступленіе ведетъ къ дѣлу, предоставляю рѣшить читателямъ. Дѣло же все главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что пока извѣстныя стороны како-

либо типа не перешли въ область комическаго, до тѣхъ поръ вы тщетно станете бороться въ душѣ вашей съ извѣстнаго рода сочувствіемъ къ нимъ. Комизмъ есть единственная смерть для типа или лучше сказать для извѣстныхъ его сторонъ, - но надобно, чтобы комизмъ былъ нисколько не насильственный, ибо мало-мальски онъ насильственъ - онъ цѣли своей не достигаетъ... Тамаринъ на примѣръ убилъ внѣшнія стороны Печорина, но зато рельефно отбѣнилъ его внутреннія. Батмановъ Писемскаго - эта грубая, но все-таки живая, художническая малевка, или его же болѣе удачный образъ Бахтіарова въ «Тюфякъ» - цѣли своей не достигли, можетъ-быть именно потому, что художникъ, то малюя, то рисуя ихъ, предполагалъ себѣ извѣстную цѣль, вступалъ съ ними въ борьбу съ самага начала. «Меричъ» Островскаго, этотъ замоскворѣцкій франтъ, съ претензіями на Чайльдъ-Гарольда, лицо блѣдное, но полно очерченное, убиваетъ только мелочныя стороны Печорина. Наконецъ лица, съ

которыми ведетъ наивнѣйшую борьбу Тургеневъ, или бьютъ мимо цѣли, какъ «Бреттеръ» или дразнятъ обаятельными сторонами типа какъ Веретевъ, или наконецъ поднимаютъ типъ до патетическаго въ «Рудинъ» - представляющемъ другую его сторону. Въ этомъ лицѣ захвачены глубоко и стремленія и самыя формы, колоритъ стремленій цѣлой эпохи нашего развитія, эпохи могущественнаго вліянія философіи, которая только на своей родинѣ въ Германіи, да у насъ пускала такіе глубокие, жизненные корни, съ тѣмъ различіемъ, что въ Германіи постоянно, и стало-быть органически, а у насъ, благодаря независимымъ отъ нея, философіи, обстоятельствамъ, порывами. Вслѣдствіе того, что ей удавалось дѣйствовать только порывами, и вслѣдствіе особенности русскаго ума, широко и смѣло захватывающаго мысль въ конечныхъ ея результатахъ, она быстро переходила у насъ въ практическое примѣненіе, быстро сообщала колоритъ, особенный отливъ

эпохамъ умственной жизни. Русская сметливость подсказывала не только такой высокой натурѣ, какъ напримѣръ натура Бѣлинскаго, конечные результаты гегелизма, она даже геніально-безхарактернаго самоучку Полевого ставила сознаниемъ выше Кузена, изъ котораго почерпаль онъ когда-то всю свою премудрость, а главное дѣло, что мысль, разъ сознанная, получала тотчасъ же практическое примѣненіе. Всякое вѣяніе переходило такъ-сказать въ религію, т. е. въ связанное, цѣльное бытіе идеала и дѣйствительности, мысли и жизни. Въ этомъ наша сила, но въ этомъ же, повторяю опять и повторяю вѣроятно еще нѣсколько разъ, наша слабость. Книги для насъ не просто книги, предметы изученія или развлеченія: книги переходили и переходятъ у насъ непосредственно въ жизнь, въ плоть и кровь, измѣняли и измѣняютъ часто всю сущность нашего нравственнаго міра... Поэтому-то самому всякое идеальное вѣяніе, переходя у насъ непосредственно въ нѣчто реальное,

сообщало доселѣ умственнымъ эпохамъ нашего развитія особый цвѣтъ и запахъ. По этому-то самому во всемъ отсталомъ нашего отечества и развито такое бессознательное отвращеніе къ мысли, болѣзнь мысле-боязни; но слѣпая отсталость, нравственное и умственное мѣщанство не видятъ по ограниченности своей, что стараясь мѣшать мысли въ ея органической дѣятельности и заставляя ее такимъ образомъ вторгаться и дѣйствовать порывами, они сами были виною того, что мысль ломаетъ, сокрушаетъ факты вмѣсто того, чтобы распредѣлять и отстранять ихъ съ подобающею терпимостью.

Мысль, вторгаясь всегда порывомъ, дѣйствуетъ и дѣйствовала въ насъ мучительно и болѣзненно... Опять обращаюсь я къ единственному истолкованію тайнъ жизни, къ поэзіи, и укажу вамъ на дикіе результаты бурныхъ и слѣпыхъ стихійныхъ вѣяній романтизма въ поэзіи, въ натурѣ Полежаева; на страшную и холодно-безпощадную послѣдовательность Лермонтова; на мучительныя «Думы»

самородка Кольцова, такъ разрушительно подѣйствовавшія на натуру и жизнь нашего высокаго народнаго лирика; на глубокую религіозность поэзіи Тютчева, на скорбные стоны поэта, которые невольно цитуешь безпрестанно, какъ только заговоришь о дѣйствии мысли на жизнь:

И ночь и мракъ! какъ все томительно
пустынно!
Безсонный дождь стучитъ въ мое окно,
Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ
тѣнью длинной,
И на сердцѣ печально и темно.
Былые сны! душѣ разстаться съ вами
больно;
Еще ловлю я призраки вдали,
Еще желаніе въ груди кипитъ невольно!
Но жизнь и мысль убили сны мои...
Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь
твое движенье,
Страшна твоя тяжолая борьба,
Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты
разрушенье,
Неумолима какъ сама судьба!

Ты миръ невинности давно во мнѣ
сломила,
Меня навѣкъ въ броженъе вовлекла,
За вѣрой вѣру ты въ душѣ моей сгубила,
Вчерашній свѣтъ мнѣ тьмою назвала.

Въ этомъ глубокомъ, искреннемъ и
безыскусственномъ стонѣ задушевная
исповѣдь цѣлой эпохи, стонъ цѣлаго
поколѣнія... Въ былые, блаженные дни
юности, оно, это беззавѣтно отдававшееся
мысли поколѣніе, толкуя какъ кружокъ
«Гамлета щигровскаго уѣзда» о вѣчномъ
солнцѣ духа «переходя in's Unendliche» съ
Гете и сливаясь съ жизнію des absoluten
Geistes, ликовало, торжествовало
младенчески, трепетало отъ восторга въ
сознаніи, что жизнь есть великое
таинство... «Было время - говорило оно
тогда устами Бѣлинскаго, одного изъ
высшихъ и геніальнѣйшихъ своихъ
представителей, относясь съ озлобленіемъ и
ожесточеніемъ неофитизма къ XVIII вѣку,
своему великому предшественнику,
котораго оно еще не понимало въ чадѣ

упоенія символами и мистеріями, - было время, когда думали, что конечная цѣль человѣческой жизни есть счастье. Твердили о суетности, непрочности и непостоянствѣ всего подлуннаго и взапуски спѣшили жить, пока жилось и наслаждаться жизнью во что бы то ни стало. Разумѣется всякій по своему понималъ и толковалъ счастье жизни, но всѣ были согласны въ томъ, что оно состоитъ въ наслажденіи. Законы, совѣсть, нравственная свобода человѣческая, всѣ отношенія общественныя почитались не инымъ чѣмъ, какъ вещами, необходимыми для связи политическаго тѣла, но въ самихъ себѣ пустыми и ничтожными. Молились въ храмахъ и кощунствовали въ бесѣдахъ; заключали брачные контракты, совершали брачные обряды и предавались всѣмъ неистовствамъ сладострастія, знали вслѣдствіе вѣковыхъ опытовъ, что люди не звѣри, что ихъ должны соединять религія и законы, знали это хорошо и принаровили религіозныя и гражданскія понятія къ своимъ понятіямъ о жизни и счастіи: высочайшимъ и лучшимъ

идеаломъ общественнаго зданія почиталось то политическое общество, котораго условія и основанія клонились къ тому, чтобы люди не мѣшали людямъ веселиться. Это была религія XVIII вѣка. Одинъ изъ лучшихъ людей этого вѣка сказалъ:

Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судьбъ ударъ

.....

.....

Пой, ѣшь и веселись, сосѣдь!
На свѣтѣ жить намъ время срочно;
Веселье то лишь непорочно
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

«Это была еще самая высочайшая нравственность: самые лучшіе люди того времени не могли возвыситься до высшаго идеала иной. Но вдругъ все измѣнилось: философовъ, пустившихъ въ оборотъ это понятіе, начали называть, говоря любимымъ словомъ барона Брамбеуса, надувателями

человѣческаго рода. Явились новые надуватели - нѣмецкіе философы, къ которымъ по справедливости вышерѣченный мужъ питаетъ ужасную антипатію, которыхъ нѣкогда такъ прекрасно отшлифоваль г. Масальскій, въ превосходной своей повѣсти: донъ-Кихоть XIX вѣка - этомъ истинномъ chef d'oeuvre русской литературы, и которыхъ наконецъ недавно убила наповаль «Библіотека для Чтенія». Эти новые надуватели съ удивительною наглостію и шарлатанствомъ начали проповѣдывать самыя безнравственныя правила, вслѣдствіе коихъ цѣль бытія человѣческаго состоитъ будто бы не въ счастіи, не въ наслажденіяхъ земными благами, а въ полномъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, въ гармоническомъ проявленіи сокровищъ своего духа. Но этимъ не кончилась дерзость жалкихъ вольнодумцевъ: они стали еще утверждать, что будто только жизнь, исполненная безкорыстныхъ порывовъ къ добру, исполненная лишеній и страданій, можетъ назваться жизнію

человѣческою, а всякая другая, есть большее или меньшее приближеніе къ жизни животной. Нѣкоторые поэты стали дѣйствовать какъ будто бы по согласію съ сими злонамѣренными философами и распространять разныя вредныя идеи, какъ-то: что человѣкъ непременно долженъ выразить хоть какую-нибудь человѣческую сторону своего человѣческаго бытія, если не всѣ, т. е. или дѣйствовать практически на пользу общества, если онъ стоитъ на важной ступени онаго, безъ всякаго побужденія къ личному вознагражденію, или отдать всего себя знанію для самого знанія, а не для денегъ и чиновъ; или посвятить себя наслажденію искусствомъ, въ качествѣ любителя, не для свѣтскаго образованія какъ прежде, а для того, что искусство (будто бы) есть одно изъ звѣньевъ, соединяющихъ землю съ небомъ, или посвятить себя ему въ качествѣ дѣйствителя, если чувствуетъ на это призваніе свыше, но не признаніе кармана, или любить другую душу, чтобы каждая изъ земныхъ душъ имѣла право сказать:

**Я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила,**

или наконецъ просто имѣть какой-нибудь высшій человѣческой интересъ въ жизни, только не наслажденье, не объяденіе земными благами. Потомъ на помощь этимъ философамъ пришли историки, которые стали и теоріями и фактами доказывать, что будто не только каждый человѣкъ въ частности, но и весь родъ человѣческой стремится къ какому-то высшему проявленію и развитію человеческого совершенства; но зато и катаетъ же ихъ, озорниковъ, почтенный баронъ Брамбеусъ! Я, съ своей стороны, право незнаю кто правъ: прежніе ли французскіе философы или нынѣшніе нѣмецкіе; который лучше: XVIII или XIX вѣкъ; но знаю, что между тѣми и другими, между тѣмъ и другимъ, большая разница во многихъ отношеніяхъ...» (Сочин. В. Бѣлинскаго томъ I, стр. 382).

Философскія вѣрованія были истинно вѣрованія, переходили въ жизнь, в плоть и кровь. Нужды нѣтъ, что дѣло кончилось извѣстнымъ изображеніемъ змѣя, кусающаго свой собственный хвостъ, нужды нѣтъ, что въ концѣ концовъ, идеализмъ XIX вѣка, гордо возстававшій на XVIII вѣкъ, сошелся съ нимъ въ послѣднихъ результатахъ. Дѣло не въ результатахъ, дѣло въ процесѣ, который приводитъ къ результатамъ, какъ сказалъ одинъ изъ великихъ учителей XIX вѣка въ своей феноменологіи...

И вотъ почему всѣ, и здоровыя, и болѣзненныя попытки наши насмѣются надъ нашимъ броженіемъ, окончательно побѣдитъ обаятельный типъ слагавшійся передъ нами, типъ, который въ лицѣ Печорина сознаетъ въ себѣ «силы необъятныя», разтрачиваемыя имъ на мелочи, типъ сильнаго страстнаго человѣка, оказались тщетными. Комизмомъ мы убили только фальшивыя, условныя его стороны.

Еще болѣе оказались мыльными пузырями попытки наши замѣнить этотъ

типъ другимъ, выдвинуть на его мѣсто типъ положительно-дѣятельный. Увы! дальше героевъ, недослуживающихъ четырнадцати лѣтъ и пяти мѣсяцевъ до пряжки, мы пока неходили. Положительно-дѣятельный типъ только-что опозоренъ и промахомъ великаго Гоголя въ его Констанжогло и промахомъ даровитаго Писемскаго въ героѣ его «Тысяча душъ», и повѣстями г. Дружинина, съ его докторами Армгольдами и другими господами, дѣйствующими благородно и ревностно въ какихъ-то никому невѣдомыхъ областяхъ и окончательно наповаль убить этотъ типъ Штольцомъ, идеаломъ г. Гончарова.

Путемъ анализа и разоблаченія мы добрались пожалуй до того, что героическаго нѣтъ уже въ душѣ и въ жизни: что кажется героическимъ, то въ сущности - тамаринское или даже хлестаковское. Но странно, что никто не потрудился спросить себя, какого именно героическаго нѣтъ больше въ душѣ и въ натурѣ, и въ какой натурѣ его нѣтъ?.. Предпочли нѣкоторые или стоять за героическое уже осмѣянное

(и замѣчательно, что за героическое стояли господа, болѣе склонные къ практически-юридическимъ толкамъ въ литературѣ), - или стоять за натуру.

Не обратили вниманія на обстоятельство весьма простое. Со времянь Петра великаго народная натура примѣривала на себя выдѣланныя формы героическаго, выдѣланныя не ею. Кафтанъ оказывался то узокъ, то коротокъ: нашлась горсть людей, которые кое-какъ его напялили, и они стали преважно въ немъ расхаживать. Гоголь сказалъ всѣмъ, что они щеголяютъ въ чужомъ кафтанѣ, и этотъ кафтанъ сидитъ на нихъ, какъ на коровѣ сѣдло, да ужъ и затасканъ такъ, что на него смотрѣть скверно. Изъ этого слѣдовало только то, что нуженъ другой кафтанъ по мѣркѣ толщины и роста, а вовсе не то, чтобы совсѣмъ остатья безъ кафтана, или продолжать пялить на себя кафтанъ изношенный.

Была еще другая сторона въ вопросѣ: Гоголь выказалъ передъ сложеннымъ вѣсками идеаломъ героическаго

несостоятельность только того въ нашей душѣ и въ окружающей дѣйствительности, что на себя идеаль примѣривало. Между тѣмъ и въ насъ самихъ и вокругъ насъ было еще нѣчто такое, что жило по своимъ собственнымъ началамъ и жило гораздо сильнѣе чѣмъ то, что примѣривалось къ чуждымъ идеаламъ, что оставалось чистымъ и простымъ послѣ всей борьбы съ блестящими, но чуждыми идеалами.

Между тѣмъ самыя сочувствія, развѣ возбужденныя, умереть не могли, - идеалы не потеряли своей обаятельной силы и прелести.

Да и почему же эти сочувствія въ основахъ своихъ были незаконны?

Положимъ или даже не положимъ, а скажемъ утвердительно, что нехорошо сочувствовать Печорину, такому, какимъ онъ является въ романѣ Лермонтова, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были «ротиться и кляться» въ томъ, что мы никогда не сочувствовали натурѣ Печорина до той минуты, въ которую является онъ въ романѣ, т. е.

стихіямъ природы до извращенія ихъ. Изъ этого еще менѣе слѣдуетъ, чтобы мы все сочувствіе наше перенесли на Максима Максимыча и его возвели въ герои. Максимъ Максимычъ, конечно очень хорошій человекъ, и конечно правѣе и достойнѣе сочувствія въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ Печоринъ, но вѣдь онъ тупоумень и по простой натурѣ своей даже и не могъ впасть въ тѣ уродливыя крайности, въ которыя попалъ Печоринъ.

Голосъ за простое и доброе, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго, есть конечно прекрасный голосъ, но заслуга его есть только отрицательная. Его положительная сторона есть застой, закосъ, моральное мѣщанство.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ
